

Надель-Червиньска М.

Катовице, Польша

РУССКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И МЕНТАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКАЯ: СОПОСТАВЛЕНИЕ ОБЪЕМОВ СЕМАНТИЧЕ- СКОГО ПОЛЯ «НОВАЯ ЛЕКСИКА»

Abstract

The author compares the meaning of the notion "Russian mentality" (mentality of the people that live in Russia but do not belong to the Russian ethnic group) and the mentality of the Russians (the people that belong to the Russian ethnic group).

Дня начала зададим себе вопрос риторический: что может показать, к примеру, лексикографический анализ *новых лексических единиц*, появившихся в изданных в России толковых словарях русского языка за период, называемый нами *постсоветским* – период новейшей российской истории, начатый с переломного 1987 года, с объявления *перестройки*. Прежде всего, чтобы осмыслить этот исторически переломный момент в политической и научной жизни страны, обратимся к *комплексному словарю*, под редакцией А. Тихонова [Тихонов 2001]: «*Перестройка*, ж. -и, мн. -и, *перестроек, перестройкам*; произв.: *перестрой[и]ть* – *перестрой + к + а; пере / строй / к / а.* 1. К 1 зн. *перестроить* (*перестраивать*). Ср.: *переделка*. [...] 2. Перен. Ко 2 зн. *перестроить* (*перестраивать*). Син.: *преобразование, реорганизация, реформа*».

«Перестройка» в свете лексикографических задач

Преобразование и реорганизация огромной страны, с ее неповоротливым тоталитарным строем вылились, как ни странно это покажется на первый взгляд, в преобразование русского языка и реорганизацию подходов к лексикографическому материалу в лингвистических справочных изданиях, начался непростой и длительный процесс деидеологизации (и самого материала, и изданий словарей, и языка в целом). Языковеды стали «замечать», наконец, в русской речи то, что почти целый век вынужденно, в силу различных исторических и конъюнктурных причин, оставляли безо всякой внимания, то, на что закрывали глаза, от чего как бы стыдливо отмахивались. Сначала «заметили» лексемы *просторечные* и *жаргонные*. И включение тех и других в словари русского языка стало подлинной революцией в отечественной лексикографии. Следующим открытием для многих оказалось, что жаргонов в русском языке *множество*, что они в речи активны и продуктивны, а потому представляют богатейший материал для собирания и описания.

В то же самое время и самой *перестройкой*, как явлением новым, необычным и многообещающим, многие – и не только лингвисты – также увлеклись. Увлеклись преобразованиями потому, что поняли: настал исторический мо-

мент, когда, если не все, то многое разрешается. И грех было бы этим моментом не воспользоваться. Как следствие новоявленной узульной свободы, стали, таким образом, в речевой обиход, на страницы газет и журналов, а потом уже и в толстые словари возвращаться слова *забытые, полузабытые*, а также *переосмыслиенные* современной эпохой. Стали, причем в немалом количестве, появляться и такие слова, которых раньше не знали, о существовании которых, может, многие носители русского языка даже и не догадывались. Не догадывались хотя бы потому, что не знали ни таких предметов, ни таких процессов, ни таких понятий, которые теперь называли лексемы новые, непривычные или даже совсем не знакомые.

Многие лексемы при этом «импортировались» из-за рубежа, внедрялись в русский язык несмотря на то, что были чужеродными не только по происхождению, но и по смыслу, звучанию. И эти чуждые лексемы становились частью российского бытия – теперь они были освоены, приручены и одомашнены уже в контексте русскоязычном. И они постепенно становились лексемами русского языка, иноязычного происхождения. Постепенно создавалось в лингвистических словарях семантическое поле *новая лексика*, весьма обширное и разнородное по своему составу.

Несколько слов о современном российском менталитете

Лингвистическая проблема тематического разграничения русскоязычной *новой лексики* практически еще ни в самой России, ни за ее пределами серьезно не разрабатывалась, поэтому постараемся, пока лишь в первом приближении, описать само семантическое поле «*новые слова*» – как семантическое поле, актуализированное в контексте формирующейся сегодня новой российской ментальности¹. Для понимания этого языкового и культурного феномена, каковым стало в постсоветский период массовое внедрение в русский язык так называемой *новой лексики*, следует для начала ответить на вопрос: что же это, собственно говоря, такое – *российский менталитет*... Обратимся для этого к одному из словарей: «*Менталитет, ментальность* [<– поз.-лат. *mentalis* умственный] 1) образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе; 2) психология нации» [Новейший словарь... 2002].

Собственно понятие *российская ментальность* охватывает сегодня объективно гораздо более широкое географическое пространство, чем понятие *ментальность российская*, территориально ограниченная площадью одного го-

¹ Употребление здесь определение *российская ментальность*, а не *русская*, с нашей точки зрения, закономерно, поскольку второе понятие гораздо шире первого.

сударства (за которую условно следует принимать также границы прежнего СССР). Более того, уже около века истинными носителями и хранителями ценностей русских языка и культуры периода, который мы бы охарактеризовали в данном контексте как *период предсоветский*, является русская эмиграция нескольких поколений, а также ее многочисленные потомки – даже в том случае, если носительство это в какой-то части утрачено. Так же, как, например, внутри России во многом, к сожалению, утрачен исконный дух народной русской культуры. Культуры, прежде всего, фольклорной, языческой, а затем, позже наследившейся и вторичной по отношению к восточнославянскому язычеству, православной.

Именно поэтому под понятием *российская ментальность* следует сегодня, скорее всего, понимать *менталитет постсоветский*, со всеми, вытекающими из этого понимания, последствиями, далеко не всегда утешительными для носителей данного – нового – менталитета. И лишенные большей части своего культурного наследия, россияне по сей день вынужденно остаются как бы, повторим здесь слова Ю. Любимова, «со своим Дядей Стёпой» и «со свистком»². А тем самым – остаются со всевозможными цензурными запретами (включая внутреннюю автоцензуру), идеологическими купюрами и страхом оказаться за линией оградительных флагов (которыми, случается, и сами себя от самих себя ограждают). Это образное определение известного московского режиссера, в недавнем прошлом опального, как нельзя лучше, на наш взгляд, и передает сущность современного *российского менталитета*.

Тем самым, *российский менталитет* – это сегодня *психология нации*. [Новейший словарь... 2002] А *русский менталитет* – образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих истинному *носителю русской культуры*, которая естественно включает в себя также *культуру языковую*. Утрата языковой культуры, составной частью которой является и язык народной традиции (как *национальное и фольклорное*), является, по крайней мере, ощутимой ущербностью – в контексте *русской ментальности*. Поэтому, если говорить о России, где десятилетиями, как известно, уничтожалось наследие национального культурного прошлого, реальными представителями *русской ментальности* в действительности является лишь определенный про-

цент носителей русского языка и процент, к сожалению, надо признать – незначительный, если рассматривать его в соотношении к населению всей страны в целом. Мысль о соотношении двух типов ментальности у носителей русского языка, первые из которых живут в современной России, а вторые далеко за ее пределами, можно графически выразить сегодня следующей схемой:

Схема № 1.

Сама постановка вопроса – о соотнесенности и разграничении понятий *русская ментальность* и *российская ментальность* для языкоznания весьма актуальна. Более того, насколько нам известно, с этой точки зрения данная проблема до нас вообще не поднималась, да и само понятие *ментальность*, или *менталитет*, актуально исключительно в контексте русского самосознания, а потому для носителей иных языковых культур остается термином «закрытым», т. е. малопонятным. И потому остается термином, не насыщаемым актуальным смыслом – ни философским, ни лингвистическим, ни психологическим, ни национально-культурным.

Как наглядно видно на нашей схеме, поля менталитета вступают между собою в связь выраженно иерархическую. Так, поле «русского» соотносимо с полем «российского» прежде всего по величине – широте и объему. «Русское» на нашей схеме очевидно *шире и больше* «российского». Первое поле могло бы включить в себя, полностью поглотив, *меньшее и более узкое*. Однако этого не будет уже в силу того, что данные поля не в полной мере совпадают. Естественно соприкасаясь, поскольку обе ментальности имеют общие культурно-исторические корни, они совпадают лишь в определенной своей части. И если бы кто-то попытался определить ту общую для обоих полей часть в количественном отношении, оказалось бы, что для одного и другого поля эта *совмещенная часть* пространства ментальностей составила бы – по отношению к большому целому каждого из менталитетов – часть относительно малую.

В то же самое время именно эта сравнительно «незначительная часть» и является для каждого из пространств русскоязычной духовной культуры частицею самой ценной. А незначительной ее можно, причем условно можно, назвать только потому, что она относится к лю-

² Так, режиссер московского Театра на Таганке Ю. Любимов, в фильме, посвященном 40-летию его работы в этом коллективе, сравнил русскую культуру с позвоночником живого существа (человека), из которого насильственно вынули позвонок. Любимов в данном конкретном случае имел в виду позицию *обэриутов*, поэтов Объединения реального искусства, или *ОБЭРИУ*. Их творчество, как он выразился в телевизионном интервью, было «надолго изъято из русской советской культуры и заменено стихами про дядю Стёпу – милиционера со свистком».

бому целому как малое к большому (к любому целому из двух окружностей ментального, «русского» и «российского»). И потому эта «незначительная часть», т. е. наследие прошлых поколений, в изрядной части, увы, современной Россией утраченное, является для носителей русской ментальной культуры ценной настолько, чтобы постараться ее сохранить для общего будущего. Следует отметить, что т. наз. процессы *идеологизации*, а в настоящее время – *деидеологизации* языка, что, в частности, непосредственно касается также состава единиц семантического поля «новая лексика», непосредственно касалось и касается пространства именно «российского менталитета».

Семантическое поле и иерархические связи между группами «новых слов»

Кстати сказать, та русскоязычная и заимствованная лексика, которую, к примеру, носители российской ментальности воспринимают сегодня для себя как «новую», для носителей русской ментальности как таковой, а значит, обладающих гораздо большим, по отношению к ним, первым, общекультурным и языковым опытом, «новой» отнюдь не представляется. Не окажется она в определенной своей части, собственно, «новой» и для россиян – носителей русской ментальности, поскольку они с этой лексикой, которая многие годы находилась за пределами лингвистических и энциклопедических словарей, так или иначе, сталкивались в контексте своей интеллектуальной деятельности – профессиональной, когнитивной, духовной³. Более того, сегодня, пожалуй, понятие «новая лексика» включает в себя прежде всего представление о деидеологизированном лексическом составе узуального контекста. При этом «деидеологизация» того, что еще так недавно составляло фонд русского языка, причем не только в его закрепленной литературной норме, постепенно начинает приобретать черты знакомой *идеологизации*. Однако *идеологизация* уже качественно иного типа – например, в части лексического состава тематических следующих групп: «политика» (внутренняя и внешняя), «религия»⁴, «экономика» и даже «быт», «от-

дых», где привилегии *номенклатуры* замещаются привилегиями, например, *олигархов*. Нередко со знаком равенства между лицами, привилегированными в советском прошлом, и лицами, привилегированными в настоящем, т. е. в «деидеологизированном» – если верить политическим декларациям – государственном времени и пространстве.

Итак, обратим внимание на то, что «русская ментальность» оказывается сегодня не столько понятием *национальным*, сколько *межнациональным* и даже, если хотите, *наднациональным*. И в этом тоже заключается феномен данной культуры, поскольку в многонациональной и разноконфессиональной России, как *предсоциалистической*, так и настоящего времени, подлинными носителями русского языка и русской культуры были и являются не только представители русской национальности и русского православия. В равной степени это относится как к тем, кто проживает внутри России, так и к тем, кто по разным причинам и в разное время вынужден был ее покинуть. Быть «носителем русской ментальности» – это и есть именно то, что делает личность не поддающейся идеологическим манипуляциям, а потому опасной для носителей тоталитарной идеологии⁵. Именно то, что позволяет ей, личности, в любых, даже самых неблагоприятных, политических и социальных условиях сохранить свое индивидуальное неповторимое «Я», сохранить чувство собственного достоинства и исторически унаследованные ценности – общечеловеческие, культурные, религиозные.

Словарные фонды и семантическое поле «новая лексика»

Прежде, чем перейти непосредственно к описанию семантического поля «новая лексика», занимающего особое место в фондах новейших толковых словарей русского языка, следует дать определение используемому термину. Поэтому для начала мы и ответим на вопрос, что же такое *семантическое поле* и как оно понимается в русском языкоznании⁶. Обратимся, прежде всего, к «Лингвистическому энциклопедическому словарю» [Ярцева 1990: 380-381], который отмечает, что некоторые

³ И в этом нет никакого парадокса: культурное наследие, которое они получили как носители русской культуры и для себя сохранили, предполагает высокую языковую культуру и, соответственно, качественно иной словарный запас, позволяющий мыслить, рассуждать, анализировать и делать выводы. Причем в условиях России, страны национально-культурных и философско-религиозных контрастов, истинным «носителем русской ментальности» часто может оказаться и нередко оказывается представитель иной национальности, необязательно «русской», что могло бы, в частности, вызвать протест некоторых представителей современных российских неонационалистических кругов.

⁴ Допустим, еще не так давно чувство «коллективизма», основанное на декларировании относительной *идеологической общности*, выражалось, к примеру, фразой «Наши члены партии все такие [шляпы] носят!» В настоящее время чувство «коллективизма» основывается уже на декларировании, так же, заметим, весьма относительной, *религиозной общности*, а именно – право-

славия как формы новой государственной политики и, следовательно, и новой формы *идеологической общности*. Это новое состояние «идеологизированной человекодуши» выражается, в частности, примерно так: «Теперь у нас у всех [преподавателей университета] есть такие [нательные] крестики». Знакомый гоголевский сюжет: в России ревизии подлежат и *мертвые души*, аккуратно заносимые в актуальные списки.

⁵ Тоталитарной идеологии, которая вовсе не исчезла, что было, к сожалению, вполне естественно, в момент декларативного провозглашения политиками конца прежней формы государственности (советского тоталитаризма) и начала, как предполагалось всеми на том переломном этапе, качественно новой эпохи в жизни многострадальной России, на сей раз действительно демократической.

⁶ Поскольку, к примеру, в польском языковедении этот термин неактуален. Так же, в контексте польской лингвистики, непонятна семантика и терминов «менталитет», «ментальность».

особенности полевой структуры были отмечены именно при построении *тезаурусов*⁷: «Поле – совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений. [...] О взаимосвязях семантических полей в пределах одного словаря свидетельствует [...] принадлежность многозначного слова к различным семантическим полям. Таким образом, семантические поля характеризуются связью слов или их отдельных значений, системным характером этих связей, взаимозависимостью и взаимопределяемостью лексических единиц, относительною автономностью полей, непрерывностью смыслового пространства, обозримостью и психологической реальностью для среднего носителя языка». При этом едва ли не определяющим видом связи семантических полей в лексике является связь *иерархическая*. В то же время, выделяемые нами группы языковых единиц *внутри* семантического поля «новая лексика» вступают в те же отношения и образуют те же, или аналогичные, связи, что и собственно семантические поля внутри общего русскоязычного лексикографического фонда в целом.

И объясняется это тем, что из источников расширения существующего словарного материала за счет так называемой «новой лексики» в той или иной мере и так или иначе, в результате, пополняются все – т. е. внутренние иерархические – семантические поля русского языка. Одно из них может пополняться больше, иное меньше. Но каждое из полей обязательно обладает при этом неким двойственным свойством: с одной стороны, каждое может включать в себя новые лексические единицы (например, продукт словотворчества или объект заимствования), с другой – оно же может выводить (исключать) из своего состава какие-либо другие единицы, что в истории современного русского языка, как отмечалось выше, нередко было связано с процессами *идеологизации / деидеологизации*.

И исключенными из того или иного семантического поля единицами оказываются, при ближайшем рассмотрении, *неактуальные лексикографические единицы*: устаревшие или, к примеру, замещаемые в живом языке другими, синонимичными либо семантически более точными и дифференцированными – с точки зрения современных носителей языка (типа *маклер – брокер – дилер*). А неактуальны они для субъектов речи на данном, всегда исторически

конкретном, этапе, что не исключает, однако, возвращения их в активный словарный фонд через какое-то время, в случае новой актуализации забытых лексем. «Возвращенные» единицы языка, нередко в процессе сначала *деидеологизации* или, затем, в процессе новой волны *идеологизации*, включаются в состав прежнего *семантического поля*, к которому относились и ранее, за исключением тех случаев, когда данные единицы в процессе языковой эволюции изменяют свою семантику либо же приобретают дополнительное, новое значение. Тогда такое слово включается в другое семантическое поле, либо принадлежит двум или нескольким полям одновременно – соответственно новой своей семантике.

Поэтому семантическое поле «новые слова» пополняется из четырех источников: первый составляют языковые единицы, в том или ином плане не соответствовавшие литературной норме и потому советскими лексикографами прежде в лингвистические словари не включавшиеся; второй – лексика, подвергавшаяся ранее идеологической цензуре разного типа, что так же не позволяло включать ее в словарные фонды; третий – языковые единицы иноязычного заимствования, пути и способы заимствования лексем при этом различны, допускаются параллельные заимствования и семантическое переосмысление в процессе освоения русским языком новых слов; последний – производные лексемы от трех разрядов лексических единиц, названных нами первыми в этом ряду. Новую лексику русского языка можно условно подразделить также на иные три разряда: 1) лексемы для языка собственно *новые*; 2) лексемы в речи снова *актуализированные* (некогда утратившие актуальность по каким-то причинам, например, историческим); 3) слова в русский язык *возвращенные*, а ранее, по каким-то причинам, искусственно изъятые советской цензурой. Лексические единицы всех этих трех видов мы находим в каждом из четырех основных источников расширения фондов русской лексикографии, и многие из них могут быть в современном языке результатом общих политических процессов, *деидеологизации и идеологизации*.

Группы лексики и принципы их выделения

Рассмотрим, в целях дальнейшего описания, содержание и состав основных тематических групп лексем – групп, которые сегодня и определяют новизну лексикографического материала. Уже в самом начале процесса подразделения семантического поля «новые слова» на тематические группы лексических единиц (в контексте общего фонда новейших русскоязычных толковых словарей) пришлось столкнуться с определенными трудностями. Во-первых, в зависимости от оснований, заложенных в основе тематической дифференциации лексических

⁷ Особенности эти отмечались, в частности, П. Роже, Ф. Доризайфом, Р. Халлигом и В. фон Вартбургом, первоначальное же осмысление понятия *поле* в языке содержалось в работах Г. Ипсена [Ipsen, 1924] и Й. Трира [Trier, 1931]. Об этом см., в частности, также в работах [Кузнецова, 1980; Уфимцева, 1961; Щур, 1974].

групп внутри самого семантического поля, оказывается возможным выделить различные группы «новой лексики». Во-вторых, можно также в семантическом контексте данного поля по-разному сгруппировать одни и те же языковые единицы. И, в-третьих, какие бы группы мы для себя ни определили, внутри каждой из этих групп лексический материал может быть дифференцирован на основании различных семантических принципов. А потому, как следствие и по той же причине, один и тот же материал потенциально подразделяется на подгруппы не однозначные, а того или иного вида.

Тем самым, выходит, что описываемые внутри конкретного семантического поля тематические группы лексем (а внутри последних, или вторых, описываемые более дифференцированные тематические подгруппы), не являются в русском языке сколько-нибудь жестким набором *тем*, поскольку в определении самих *тем* (или T^n) присутствует элемент субъективный. Выбор T^n обусловлен индивидуальным подходом к языковому материалу конкретного исследователя-лингвиста. Это хорошо видно на примере словарей, в той или иной степени организованных по *тематическому принципу* [Ушаков 1994; Шведова 1998].

Попробуем приблизительно разделить на тематические группы новую лексику иноязычного происхождения, которую фиксируют современные *словари иностранных слов* [Совр. СИС 1993; Комлев 1995; Червинские 1995; Новейш. СИС... 2002; Больш. СИС... 1998]. Эта работа предполагает три этапа, видимо, неизбежные и обязательные в контексте такого лексикографического исследования.

1. Первый этап – приблизительная разметка многообразия тематических групп, в чем-то противоречивых и в чем-то пересекающихся. Групп слишком много, а потому анализировать их сложно, что уже само по себе составляет немалую проблему. Однако при более внимательном рассмотрении предполагаемых групп становится очевидным, что для их выделения необходимо общее основание. Принципы дифференциации лексических групп вначале не конкретны, расплывчаты, а потому приблизительны. И все-таки этот предварительный этап работы полезен, поскольку помогает выработать правильный методический подход к исследуемому материалу (новой иноязычной лексики русского языка) и позволяет отказаться от излишне мелкого дробления фонда языковых единиц на частные тематические группы.

2. В результате становится возможным обобщить дифференцированный материал в группы лексем более крупные, имеющие общее основание. Так, для выделенных трех больших тематических групп новой иноязычной лексики – **общественные отношения** (1); **наука** (2); **культура и искусство** (3) – единственным общим основанием будут *сфера общественной дея-*

тельности, актуальные для современного человека. Однако «сфера общественной деятельности человека» (россиянина) лишь результативный выход поиска общего основания для подразделения иноязычного лексического массива на три большие группы (1, 2 и 3), поскольку группы получились, в определенной степени, *универсальными*. Они охватывают весь, интересующий нас материал, и потенциально приложимы к семантическому полю «новая лексика русского языка» как к таковому в целом. И каждая из них подвержена в постсоветский период параллельным процессам *деидеологизации* и *идеологизации* отдельных единиц, словарного состава группы и темы в целом.

3. Вторым этапом в процессе классификации языковых нашего семантического поля, независимо от того, рассматриваем ли мы его узко (только новые иноязычные заимствования) или широко (в полном объеме новой лексики в составе словарей последнего десятилетия), является дифференциация лексических единиц внутри каждой из трех универсальных групп. И дифференциация лексикографического материала, как видно на примере заимствованных слов, возможна с тематической точки зрения на *подгруппы*, а затем возможно подразделение и подгруппы на дополнительные лексемные совокупности, более мелкие и конкретные. Последние проще анализировать и описывать, поскольку они структурно и семантически обозримы, а также конечны в своем наборе единиц, *объединенных общей узкой тематикой*.

Допустим, мы выделяем в теме «общественные отношения» пять основных *подтем* – 1) «политика», 2) «религия», 3) «торговля», 4) «правовые отношения» (в том числе и экономические), а также 5) «движения» разных толков. В теме «наука» также пять основных *подтем* – 1) «философия», 2) «медицина», 3) «психология», 4) «парapsихология», 5) «информатика». Тогда и в теме «культура» выделяется столько же основных *подтем* – 1) «искусство», 2) «мода», 3) «кулинария», 4) «спорт», 5) «отдых». Корректировка тематических групп и подгрупп при описании их лексического и семантического содержания является при этом важной частью лингвистического исследования. Примером же «узкой темы» могут служить не только, к примеру, «породы собак» (для подтемы «отдых и хобби»), «национальные блюда» (для подтемы «кулинария»), «обувь» (для подтемы «мода»)⁸.

Классификационные решения при этом могут быть различные. И принципы разграничения тематических групп – подгрупп внутри семанти-

⁸ Поскольку проблема т. наз. «новой лексики» рубежа двух столетий еще не разработана и не описана в русской лингвистике, то мы не можем классифицировать весь тематический состав новой лексики в словарях постсоветского периода, а только ставим проблему и к ней стараемся подойти к ней вплотную.

ческого поля («новая лексика»), в частности на примере лексики заимствованной, иноязычной, тоже могут между собою розниться. На данном этапе описания семантического поля, пожалуй, и не может сложиться более или менее стройная система *тем* и *подтем*, объединенных означенным полем, включенных в его пространство. Представим сегодня лишь некоторые лексические группы данного семантического поля – группы, объединенные (каждая) узкой тематикой, или *частной* тематикой, которая также ждет в будущем своего описания.

Казалось бы, в ряду перечисленных «узких тем» есть и такие, которые совершенно не имеют отношения ни к каким идеологическим процессам, имеющим влияние на словарный состав современного русского языка. Однако может оказаться, при ближайшем рассмотрении, что это вовсе не так. Вот, к примеру, «породы собак»: и в советской России были породы *общедоступные* («овчарка», «болонка», «пинчер», в свое время «мопс», а затем «сеттер», «боксер», «доберман») и *малодоступные*, которые трудно было достать, из-за редкости в СССР («пули», «шнауцер», «пудель», особенно «королевский»), либо трудно прокормить, из-за больших размеров («дог», «командор», «сенбернар», «мастиф»). Часто привилегированность той или иной из собачьих рас (в частности, в клубах собаководов) актуализировалась и обусловливала тем, что это «собака как у Брежнева» («датский дог», в 70-80 гг.) или «собака как у Путина» («ретривер», в начале нынешнего тысячелетия). Мода на собак диктовалась также пристрастиями западных кинозвезд – например, стали модными «йоркшир-терьеры» (любимые собачки Элизабет Тейлор).

В тематическую область «национальные блюда» и, соответственно, в словари данной терминологии только в 90-е гг. были возвращены, в частности, лексемы, относящиеся к кулинарной и ритуальной традиции еврейской кухни: «чолент», «хумус», «фалафель», «ха-ро(й)сет», «гоменташ», «цимес», «куг(е)л» и «кугель»⁹, а также др. Слова, хорошо извест-

ные жителям СССР в 20-е гг., а затем старательно вымарываемые отовсюду сталинской цензурой, еще задолго до того, как началась кампания против «космополитизма». В самой подтеме «кулинария» неоднократно сквозь сите идеологической цензуры просеивались также единицы русского языка, называющие 1) «продукты питания» и 2) «деликатесы» (отсутствующие либо появившиеся в общедоступных магазинах, например, отдельные виды «рыбы»), 3) «ресторанные блюда» (в зависимости от того, есть ли в продаже продукты для их приготовления, например, «мясные»), 4) «кухонный инвентарь» (необходимый для приготовления изысканной пищи) и т. п. Так, например, подвергались советской цензуре публикации В. Похлебкина.

С развитием современного российского элитарного «туризма» в языковой обход были введены многочисленные слова-экзотизмы, неактуальные для большинства носителей языка, а потому ставшие предметом саркастических шуток, анекдотов, а также объектом фонетических и грамматических искажений на уровне просторечия. Так же, с усовершенствованиями условий быта представителей «новых русских» и элитарной богатой верхушки, в основном столичной, с одной стороны, появилась новая лексика, малопонятная с точки зрения семантики («гламур», «тренд», «сейшен»), с другой стороны, появились новые предметы и понятия, не имеющие в русском языке никакого названия-определения. Примером последнего может служить оборудованный сложной электроникой «детский горшок с функциями биде».

Иерархические отношения внутри семантического поля (первой величины)

Поскольку семантическое поле – это всегда совокупность языковых, в нашем случае лексических, единиц, объединенных общностью содержания, отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений, а сами поля между собой часто вступают в отношения иерархического порядка [Ярцева 1990: 380], то и выделяемые в новой словарной лексике *тематические группы* должно рассматривать как меньшие по объему *семантические поля*, включенные в поле гораздо большее («новая лексика»). Соответственно, *тематические подгруппы*, в соответствие с общим принципом иерархических отношений «включенности», будут представляться составными небольшими полями, вписанными в поля меньшего объема – меньшего по отношению к главному и определяющему полу, «новая лексика». Так же можно будет рассматривать затем и небольшие группы «узкой» тематики.

Эти иерархические отношения между различными по объему *семантическими полями* можно было бы, пожалуй, выразить так, как мы приводим ниже, на схеме № 2, где, как видим, I – сод-

⁹ Последнее слово интересно тем, что называет в еврейской кухне и русскоязычной традиции несколько вариантов блюд: 1) разного рода запеканки, круглые по форме (сковороды); 2) круглая лепешка, в которую заворачиваются самые разные продукты (зелень, овощи, рыба, мясо и пр.), в Израиле это называют также «пита с начинкой», образец современного американского «гамбургера»; 3) круглая мучная лепешка, на которой запекают самые разнообразные компоненты, т. е. то, что через столетия вернулось в русский лексикон уже под средиземноморским вариантом названия «пицца» (ср. первоначальное «пита»). Все три вариации «кугла» – это возможность сэкономить, используя, на следующий день, остатки субботних и праздничных блюд, кот. готовятся в изобилии, а потому с избытком. Так же, в российской ментальности, в результате манипуляций советской цензуры со статьями словарей и кулинарными книгами, «домашняя лапша» и др. макаронные изделия превратились в изобретение итальянцев. А для носителей русской ментальности, за пределами России, они по-прежнему восходят к *lokhen* (идиш; отсюда слово «лапша») и *nood(e)le* (иврит; что порождает игру слов: макароны – еда нудная).

ствено семантическое поле (новая лексика) *первой величины*; **a**, **b**, **c** – три тематических группы-поля *второй величины*, в него входящие; а 1, 2, 3, 4 и 5 в каждой из последних – *тематические подгруппы-поля третьей величины*, в составе трех предыдущих, в соответствие с иерархической организацией семантических полей и их взаимной «включенностью»:

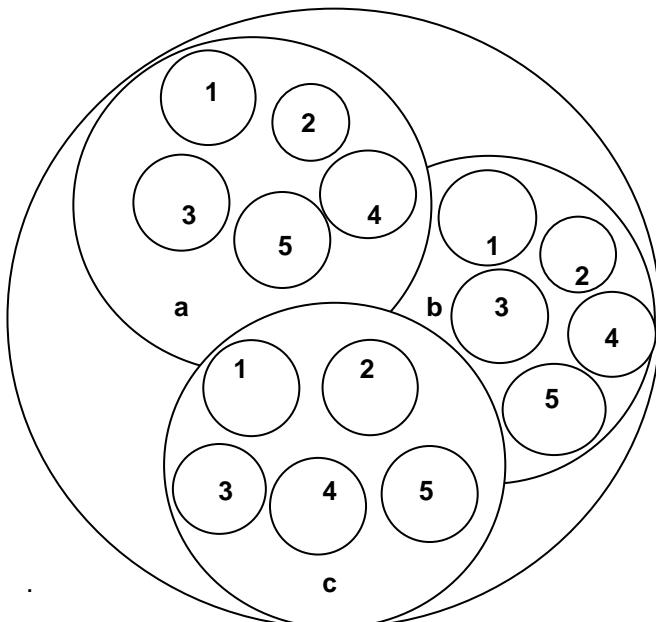

Схема № 2.

Какие бы тематические группы не выделяли бы мы внутри лексического пространства семантического поля «новая лексика» (русскоязычная), иерархические связи, актуальные для полей разной величины – т. е. разного объема и порядка – будут выглядеть так же. Основное поле («новая лексика») будет включать в себя поля меньшего объема (темы «новой лексики»). А эти поля малого объема (темы), в свою очередь, будут объединять в себе поля еще меньшего объема (подтемы «новой лексики»). Частные поля (узкой тематики) окажутся в этом случае составляющими единичного поля (подтемы) – на порядок выше и потому по объему шире. Какие по объему и теме мы не взяли бы группы «новой лексики», выделяются они всегда в контексте *семантических полей*, актуализированных на данном этапе политического, общественного и языкового развития, для современной российской ментальности, а также в описанных выше параллельных процессах *деидеологизации и идеологизации*.

Такими актуальными полями для носителей российской ментальности являются, например, следующие: 1) «компьютерная техника и ее обслуживание» [1]; 2) «коммерческий туризм как новая форма мелкого бизнеса» [a]; 3) «контакты с Объединенной Европой, самосознание россиян» [b]. Причем, если первое [1], по своему объему и по нашему определению, относится к полям *второго порядка* (под-

тема), то два остальных [a] и [b] проявляют себя как *поля третьего порядка* (узкой тематики). При этом «компьютерная техника» [1] соответствует полю-подтеме 5 в поле-теме **b** («наука»). Малое поле «коммерческий туризм» [a] (по узости тематики) войдет в состав поля-подтемы 4 («спорт» [+ «туризм»]) в поле-теме **c** («культура»). А малое поле «европейские контакты» [b] (по узости тематики) войдет в состав поля-подтемы 1 («политика») в поле-теме **a** («общественные отношения»).

Однако, если поле «европейские контакты» выделять в общем семантическом поле «новая лексика» по какой-либо другой системе и, соответственно, на ином основании, то данное поле («европейские контакты») может стать *полем третьего порядка* (подтема) либо даже *полем второго порядка* (темой). Таким основанием, к примеру, может быть «интеграция в Европу» (вариант: «... в мир») или же, напротив, «обособление от Европы» (вариант: «... от мира»). В этих случаях оно окажется по объему гораздо больше и новая лексика внутри его будет представлена значительно шире. Так, это же самое семантическое поле второго порядка, как *тема*, в данном случае может включать в себя такие меньшие поля, второго порядка (подтемы), как-то:

1. Поле-подтема «политика» (отражающая, с одной стороны, отношение России к Европейскому союзу, с другой же – отношение ЕС к восточному соседу). В связи с эти в русскоязычный лексикон прочно вошли такие слова и выражения, как «европейское сообщество», «эмбарго», «открытый коридор», «система грантов», «совместная программа развития», «международный терроризм», «бандобъединения», «визовый режим», «курс евро», «сдерживание доллара», «игра на понижение», «беспошлинный ввоз / вывоз», «ратификация договора», «наблюдение с космоса», «фракционное голосование», «мониторинг», «мажоритарный», «жидомасон» и «жидомасонская ложа», «государственный менталитет» и «национальная ментальность». Здесь много новых лексем, в основном иноязычных заимствований, однако встречаются и слова вновь актуализированные и возвращенные.

2. Поле-подтема «религия» (отражающая признание / не признавание прав представителей других религий, не государственных, нынешнее как российское *православие*, а также различных христианских толков). В связи с эти в русскоязычный лексикон вошли слова и выражения типа «многобожец», «монахиня», «политеист», «неофит», «фундаменталист», «церковник», «духобор», «литургия», «митрополит», «кирха», «ереси», «жидовствующий», «мормон», «суннит», «шиит», «кришнаит», «конформист», «пресвитерианин», «евангельские христиане», «папский понтификат», «понтифик», «талмудист». Здесь мы сталкиваемся

прежде всего со словами вновь актуализированными и *возвращенными*, хотя появляются и новые лексемы, связанные, например, с созданием новых религиозных сект. Такие слова обычно заимствованные.

3. Поле-подтема «торговля» (отражающая западно-российские, восточно-российские и американо-российские отношения – как реальные, так и потенциальные). Эту группу представляют лексемы иноязычные и от них производные. В связи с данной подтемой в русскоязычном лексиконе и словарях появилась такая многочисленная группа слов и выражений, как «аваль», «авизо», «аллонж», «альпари», «андеррайтинг», «бартерная сделка», «бонификация», «бордеро», «депорт», «дискаунтер», «дистрибутор», «локо», «лот», «политика мажоризации», «менеджер», «мерчандайзинг», «ностро», «олигополия», «олигопония», «пейджер», «первормер». Последнее слово – редкий пример русскоязычного образования, которое, впрочем, лишь калька, вероятно, с английского.

4. Поле-подтема «правовые отношения», в том числе и экономические (отражает внутригосударственную систему, их регулирующую и сдерживающую, а также правовые отношения за пределами данной страны). В связи с эти в русскоязычный лексикон прочно вошли такие слова и выражения, как «депозитарий», «дeregulirazhia», «подзаконные акты», «экономическая ответственность (за ...)», «инжиниринг», «инсайдер», «монопсония», «ноу-хау», «консигнат», «консигнатор», «консьюмеризм», «копирайт», «пирамида», «полис», «посессия», «траст», «прайвеси» и «прайвэзи», «прерогатива», «эсклюзив», «реституция», «субаренда», «секвестр», «ревизия международного договора». В этой группе слова недавно заимствованные соседствуют с хорошо знакомой лексикой, приобретающей качественно иное значение.

5. Поле-подтема «движения» разных толков (отражающая отношения формальные и неформальные в контексте современных экологических, молодежных, политических, религиозных проблем). В связи с этим в русскоязычный лексикон прочно вошли такие слова и выражения, как «моджаджед», «панк», «нацист», «рейв», «паблик рилейшнз», «сатанизм», «мутаген», «скаут», «скинхед», «субкультура», «суицидент», «тайм-аут», «токсикомания», «транссексуализм», «ультранационализм», «движение зелёных», «антаглобализм», «хиппис», «тусовка». Среди иноязычных заимствований немало слов жаргонного происхождения, зачастую искаженных фонетически, грамматически либо семантически.

На данном этапе описания лексики в русскоязычных словарях постсоветского периода мы не ставим перед собой задачи сделать это описание системным и всеобъемлющим, поэтому не будем описывать ту лексику, которая

образует *поля-темы* и *поля-подтемы*, о которых выше уже сказано было немало. Рассмотрим только несколько частных вопросов, связанных с теми единицами русского языка, которые в современных лингвистических словарях, издаваемых в России, составляют обширное семантическое поле «новая лексика».

Основные тематические группы лексем, пополняющие новейшие словари

Собственно говоря, если внимательно приглядеться к материалу, уже изложенному в этой книге, то можно заметить, что описанные нами только что иерархические отношения семантических полей распространяются также на процессы обновления лексического состава русскоязычных словарей.

Так, уже сами большие массивы лексики, описанные нами в главе 2, а именно: *собственно новая лексика (а)*, *актуализированная ранее известная лексика (б)* и *возвращенная в словари лексика прежних лет (с)*, – могут быть представлены, с точки зрения «теории поля»,¹⁰ как *семантические поля второго порядка*. А их, напомним, так же, как и основных тем, заложенных в основание *семантических полей второго порядка*, нами выделено *три*. Основаниями для объединения новой лексики в эти большие группы в данном случае будут следующие:

1) Для (а) основанием будет то, что, как правило, лексические единицы данной группы носителям языка совершенно не известны. Одни из них (1а) впервые заимствованы из иноязычных фондов – «баристер», «гамбургер», «вертебрология», с возможной адаптацией в новом языковом узусе. Другие (2а) могут быть лексемами в новом значении и/ли, возможно, в другой огласовке заимствованные русским языком – повторно, но уже из другого языка (не того же, что прежде). Такая единица может бытывать параллельно с русскоязычной: «консамент» и «консалтинг», «бит» и «байт», «акупунктура» и «кигуокалывание». Новая лексема (3а) может быть в этом случае также результатом современного словотворчества, образованием от корней своего языка или корней иноязычных: «аллилуишина», «стержнезация», «политиканка».

2) Для (б) основанием будет то, что лексические единицы данной группы носителям языка в принципе известны, однако до недавнего времени встречались в речи нерегулярно. Актуализация их стала как бы веянием времени. Приведем примеры, соответственно подгруппам предыдущего пункта: (1б) лексемы иноязычного заимствования – «арьергард» в искусстве, «бакалавр», «гомосексуалист»; (2б) лексемы, которые в речи используются параллельно – «астрал» и

¹⁰ Данной, подходящей к нашему исследованию и к анализируемому материалу, поскольку теория поля в языкоznании не одна, а их несколько.

«аура», «магистрант» и «дипломник», «хард-металл» и «тяжёлый рок»; (3b), напротив, это освоенные лексемы, новизна которых проявляется в кардинально новом значении и приложению языковой единицы к качественно иному понятию, – «миротворец» с автоматом Калашникова в руках, международное «ВТО», «перестройка» в политике государства.

3) Для (c), в свою очередь, основанием будет то, что лексические единицы данной группы были некогда известны носителям языка, но затем надолго оставлены за пределами советских лингвистических словарей из-за различных идеологических ограничений. Поэтому такие лексемы легко возвращаются и в речь, и в справочные издания. И возвращается эта лексика в язык с теми же самыми – неизмененными, неискаженными – значениями, какие имела в прошлом.

В соответствие с аналогичными лексическими группами двух первых пунктов приведем примеры 1c) лексем иноязычного происхождения, в том числе нередко впервые открыто, приложимых к явлениям российской действительности, – «русский» + «либерал», «фашист», «геноцид»; 2c) лексем, долгое время считавшихся устаревшими, вышедшиими из употребления, однако обретших в новой российской действительности свое место и применение, – «есаул», «архиерей», «синаагога», «раввин»; а также 3c) лексем русскоязычного происхождения – «Дума», «всеноющая», «новопреставленный», «кутья». В контексте общего семантического поля «новая лексика» эти три группы представляются, в нашем понимании, *основными*.

Такие тематические группы, которые также можно назвать, как уже говорилось выше, *полемами*, всегда меньше по объему, чем большое целое, или все поле «новая лексика» как таковое. Внутри каждого такого *основного семантического поля* (тематического) несложно выделить по пять малых полей (по нашему определению – *подтематических*). Их составляют, по нашим наблюдениям: 1) языковые единицы, не соответствовавшие литературным нормам, с общим основанием «соответствие / несоответствие языковой норме»; 2) лексика, подвергавшаяся раньше идеологической цензуре, с общим основанием «включение / невключение в словарные фонды», по цензурным соображениям; 3) языковые единицы иноязычного заимствования, с общим основанием «русскоязычное / иноязычное происхождение» новой лексемы; 4) лексемы-производные от языковых единиц предыдущих трех групп, с общим основанием «словообразовательная пассивность / активность» включенных либо возвращенных в фонд словаря лексем; 5) новые лексемы-производные от лексики, словарями освоенной, с общим основанием «словообразовательная пассивность / активность» корней и лексем, уже освоенных русскими словарями. И все они, в

той или иной мере, подвержены – в контексте специфической «российской ментальности» – описанным выше процессам *деидеологизации / идеологизации*.

Лексические единицы, воспринимаемые сегодня как «новая лексика»

Перейдем теперь еще к некоторым группам лексики, объединенным и выделяемым нами уже с другой целью, на основании а) общей тематики и б) новизны для фондов русскоязычных словарей. Лексические группы той или иной тематики избираются при этом для описания их состава исходя из того, насколько эти группы актуальны в русскоязычном речевом контексте и насколько значительны по своему объему. Вот тематические группы тех лексических единиц, которые в современных русских лингвистических справочных изданиях воспринимаются носителем языка – в контексте российской ментальности – как «новая лексика»:

I. Новая лексика, связанная с программированием и обслуживанием компьютерной техники (иноязычные заимствования, словообразование, профессиональный жargon).

II. Новая лексика, связанная с расширением кругозора носителей русского языка (история, политика, экономика, география, экология; заимствование и актуализация в устной и письменной речи историзмов, варваризмов, экзотизмов, а также этнонимов и топонимов).

III. Новая лексика, связанная с изменениями внутри государственной системы – территориальными, законодательными, общественными (иноязычные заимствования, словообразование, профессиональная лексика и профессиональные жаргоны).

IV. Новая лексика, связанная с развитием рынка, торговли и бизнеса – вопросами экономики, финансирования инвестиций, товарного оборота, законности торговых сделок (иноязычные заимствования, активное словотворчество, а также влияние жаргонов – профессиональных, субкультурных и криминального).

V. Новая лексика, связанная с развитием определенных областей науки и техники – космонавтики, генетики, медицины, парапсихологии и др.

VI. Новая лексика, связанная с изменением в духовной и физической жизни граждан страны – с изменением представлений в вопросах религии, философии, искусства, а также учебы, спорта, отдыха.

VII. Новая лексика, связанная с изменениями бытового характера – новые реалии повседневной жизни россиян.

Основанием для выделения таких тематических групп семантического поля «новая лексика» будет, прежде всего, мироощущение носителя русского языка (российской ментальности) и его самооценка в контексте новых, незнакомых или малознакомых для него, реалий жизни. С помощью названных тематических

групп можно не только наметить дифференцированный подход к массиву т. наз. «новой лексики», но и описать русскоязычную «карту мира», характерную для современной – постсоветской – эпохи. Тем самым будут описаны и такие фрагменты картины мира, которые характерны исключительно для восприятия носителей русского языка, причем только в специфических условиях России современной постсоветской эпохи. И уже этим данный лингвистический материал, на наш взгляд, интересен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Ipsen G. Der alte Orient und die Indogermanen. // Stand und Augaben der Sprachwissenschaft. HdIb., 1924.

Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. HdIb., 1931.

Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике. Москва, 1980.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва, 1990.

Новейший словарь иностранных слов и выражений. Справочное издание. Москва – Минск, 2002. (Без составителя.)

Комплексный словарь русского языка / Под ред. А. Н. Тихонова. Москва, 2001.

Уфимцева А. А. Теории "семантического поля" и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. Москва, 1961.

Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. Москва – Ленинград, 1974.

Русский семантический словарь / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1-2. Москва, 1998.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1-4. Москва, 1994.

Современный словарь иностранных слов. Москва, 1993.

Комлев Н. Г. Словарь новых иностранных слов (с переводом, этимологией и толкованием). Москва, 1995.

Большой толковый словарь иностранных слов / Сост. М. А. Надель-Червинская, П. П. Червинский. Т. 1-3. Ростов-на-Дону, 1995.

Новейший словарь иностранных слов и выражений. Справочное издание. Москва – Минск, 2002. (Без составителя.)

Большой словарь иностранных слов в русском языке. Москва, 1998. (Без составителя.)

© Надель-Червиньска М., 2008

Наумова И. О.
Харьков, Украина
**ЕВРОПА В ЗЕРКАЛЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Abstract

The paper traces reflection of European history in Russian phraseological units of the English origin. Focus is on concept Europe both in the Russian political phraseology and international political terminology.

Aim is to reveal linguistic and historical paths of popular Russian phrases concerning Europe and to present their navigation within historical phraseological space of Europe.

Блики истории подобны ослепительным вспышкам, озаряющим лоскуты исторической фразеографии, пеленгующей путь той или иной единицы родного языка. Тянувшийся в обратном направлении шлейф истории одновременно с ее поступью вперед приоткрывает взгляду этиологов порой лишь отдельные фрагменты судьбы той или иной единицы, пряча в исторических покровах изгибы и их отражения на языковых тропах фразеологического пространства.

Истоки знакомых русских фразеологизмов, уходящих своими корнями в недра фразеологии английского языка, часто ведут к потайным лингвистическим родникам, вырывающимся из глубин истории европейского наследия.

Целью статьи является «проследить, откуда, как и кем эти мысли и выражения приводились и, иногда, с незначительными только изменениями, обошли все народы, – это составляет уже настоящее лакомство для умственных gourmets» [Михельсон 1997:V].

Фразеологическое зеркало истории прежде всего высвечивает сквозь фразеологические наслоения лицо главной героини данной статьи – Европы.

По данным Оксфордского этимологического словаря английского языка, это слово означает в переводе с греч. 'широкое лицо', что подтверждают происходящие политические события на данном континенте.

Существует и вторая версия, предполагающая параллель с 'востоком'. Ср. «European 1603, from L. Europa "Europe," from Gk. *Europe*, often explained as "broad face," from *eurys* "wide" + *ops* "face." Klein suggests a possible Sem. origin in Akkad. *erebu* "to go down, set" (in reference to the sun) which would parallel *orient* (q.v.)» [<http://www.etymonline.com>].

К сожалению, этимологические словари русского языка, как и словари иностранных слов русского языка, не включают в свой состав слово Европа. «Новейший словарь слов и выражений» дает ошибочную ссылку на происхождение данного понятия. Ср.: «перевод этого слова с древнегреческого языка – "широкоглазая" (разрядка – И.Н.)» [Новейший словарь 2007:308].

В России всегда со словами Европа, европейский ассоциировались представления о европейской цивилизации, культуре, стиле.

Ср. «Европеец (иноск.) – человек цивилизованный (также – западник)

Европейский – культурный

Европеизм – культурность (европейская)» [Михельсон 2006:210].

Екатерина II (1729-1796) полагала, что «Россия есть держава Европейская» (Начало